

Гилберт Кийт Честертон

Разбойничий рай

Перевод с английского
Наталии Трауберг

ФТМ

Отец Браун

Гилберт Честертон

Разбойничий рай

«ФТМ»

1914

Честертон Г. К.

Разбойничий рай / Г. К. Честертон — «ФТМ»,
1914 — (Отец Браун)

ISBN 978-5-4467-1420-9

«Прославленный Мускари, самобытнейший из молодых итальянских поэтов, быстро вошел в свой любимый ресторан, расположенный над морем, под тентом, среди лимонных и апельсиновых деревьев. Лакеи в белых фартуках расставляли на белых столиках все, что полагается к изысканному завтраку, и это обрадовало поэта, уже и так взволнованного свыше всякой меры. У него был орлиный нос, как у Данте, темные волосы и темный шарф легко отлетали в сторону, он носил черный плащ и мог бы носить черную маску, ибо все в нем дышало венецианской мелодрамой...»

ISBN 978-5-4467-1420-9

© Честертон Г. К., 1914

© ФТМ, 1914

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Гилберт Честертон

Разбойничий рай

Из сборника «Мудрость отца Брауна»

Прославленный Мускари, самобытнейший из молодых итальянских поэтов, быстро вошел в свой любимый ресторан, расположенный над морем, под тентом, среди лимонных и апельсиновых деревьев. Лакеи в белых фартуках расставляли на белых столиках все, что полагается к изысканному завтраку, и это обрадовало поэта, уже и так взволнованного свыше всякой меры. У него был орлиный нос, как у Данте, темные волосы и темный шарф легко отлетали в сторону, он носил черный плащ и мог бы носить черную маску, ибо все в нем дышало венецианской мелодрамой. Держался он так, словно у трубадура и сейчас была четкая общественная роль, как, скажем, у епископа. Насколько позволял век, он шел по миру, словно Дон Жуан, с рапирой и гитарой. Он возил с собой целый ящик шпаг и часто дрался, а на мандолине, которая тоже передвигалась в ящике, играл, воспевая мисс Этель Харрогит, чрезвычайно благовоспитанную дочь йоркширского банкира. Однако он не был ни шарлатаном, ни младенцем; он был логичным латинянином, который стремится к тому, что считает хорошим. Стихи его были четкими, как проза. Он хотел славы, вина, красоты с буйной простотой, которой и быть не может среди туманных северных идеалов и северных компромиссов; и северным людям его напор казался опасным, а может – преступным. Как море или огонь, он был слишком прост, чтобы ему довериться.

Банкир с дочерью остановились в том самом отеле, чей ресторан Мускари так любил; собственно, потому он и любил этот ресторан. Но сейчас, окинув взглядом зал, поэт увидел, что англичан еще нет. Ресторан сверкал, народу в нем было мало. В углу, за столиком, беседовали два священника, но Мускари, при всей его пламенной вере, обратил на них не больше внимания, чем на двух ворон. От другого столика, наполовину скрытого увешанным золотыми плодами деревцем, к нему направился человек, чья одежда во всем противоречила его собственной. На нем был пегий клетчатый пиджак, яркий галстук и тяжелые рыжие ботинки. По канонам спортивно-мещанской моды, он выглядел и до грубости кричаще, и до пошлости обыденно. Но чем ближе подходил вульгарный англичанин, тем яснее видел удивленный тосканец, как не соответствует костюму его голова. Темное лицо, увенчанное черными кудрями, торчало, как чужое, из картонного воротничка и смешного розового галстука; и несмотря на жуткие несгибаемые одежды, поэт понял, что перед ним – старый, забытый приятель по имени Эцца. В школе он был вундеркиндом, в пятнадцать лет ему пророчили славу, но, выйдя в мир, он не имел успеха ни в театре, ни в политике, и стал путешественником, коммивояжером или журналистом. Мускари не видел его с тех пор, как он был актером, но слышал, что превратности этой профессии совсем сломили и раздавили его.

– Эцца! – воскликнул поэт, радостно пожимая ему руку. – В разных костюмах я тебя видел на сцене, но такого не ждал. Ты – и англичанин.

– Почему же англичанин? – серьезно переспросил Эцца. – Так будут одеваться итальянцы.

– Мне больше нравится их прежний костюм, – сказал поэт.

Эцца покачал головой.

– Это старая твоя ошибка, – сказал он, – и старая ошибка Италии. В шестнадцатом веке погоду делали мы, тосканцы: мы создавали новый стиль, новую скульптуру, новую науку. Почему бы сейчас нам не поучиться у тех, кто создал новые заводы, новые машины, новые банки и новые моды?

– Потому что нам все это ни к чему, – отвечал Мускари. – Итальянца не сделаешь прогрессивным, он слишком умен. Тот, кто знает короткий путь к счастью, не поедет в объезд по шоссе.

– Для меня итальянец – Маркони,¹ – сказал Эцца. – Вот я и стал футуристом и гидом.

– Гидом! – засмеялся Мускари. – Кто же твои туристы?

– Некий Харрогит с семьей, – ответил Эцца.

– Неужели банкир? – заволновался Мускари.

– Он самый, – сказал гид.

– Что ж, это выгодно? – спросил Мускари.

– Выгода будет, – странно улыбнулся Эцца и перевел разговор. – У него дочь и сын.

– Дочь богиня, – твердо сказал Мускари. – Отец и сын, наверное, люди. Но ты пойми, это все доказывает мою, а не твою правоту. У Харрогита миллионы, у меня – дыра в кармане. Однако даже ты не считаешь, что он умнее меня, или храбрее, или энергичней. Он не умен; у него глаза, как голубые пуговицы. Он не энергичен; он переваливается из кресла в кресло. Он нудный старый дурак, а деньги у него есть, потому что он их собирает, как школьник собирает марки. Для дела у тебя слишком много мозгов. Ты не преуспеешь, Эцца. Пусть даже для делового успеха и нужен ум, но только глупый захочет делового успеха.

– Ничего, я достаточно глуп, – сказал Эцца. – А банкира доругаешь потом, вот он идет.

Прославленный финансист действительно входил в зал, но никто на него не смотрел. Грузный, немолодой, с тускло-голубыми глазами и серо-бурыми усами, он походил бы на полковника в отставке, если бы не тяжелая поступь. Сын его Фрэнк был красив, кудряв, он сильно загорел и двигался легко; но никто и на него не смотрел. Все, как всегда, смотрели на золотую греческую головку и розовое, как заря, лицо, возникшее, казалось, прямо из сапфирового камня. Поэт Мускари глубоко вздохнул, словно сделал глубокий глоток. Так оно и было; он упивался античной красотой, созданной его предками. Эцца глядел на Этель так же пристально, но куда наглее.

Мисс Харрогит лучилась в то утро радостью, ей хотелось поболтать, и семья ее, подчинившись европейскому обычаю, разрешила чужаку Мускари и даже слуге Эцце разделить их беседу и трапезу. Сама же она была не только благовоспитанной, но и поистине сердечной. Она гордилась успехами отца, любила развлечения, легко кокетничала, но доброта и радость смягчали и облагораживали даже гордость ее и светский блеск.

Беседа шла о том, опасно ли ехать в горы, причем опасностью грозили не обвалы и не бездны, а нечто еще более романтическое. Этель серьезно верила, что там водятся настоящие разбойники, истинные герои современного мифа.

– Говорят, – радовалась она, как склонная к ужасам школьница, – здесь правит не король Италии, а король разбойников. Кто же он такой?

¹ Маркони Гульельмо (1874–1937) – итальянский инженер, первым запатентовал изобретение беспроводного телеграфа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.